

Образ Японии в антиантантовской пропаганде в США в годы Первой мировой войны: журнал «Fatherland», август 1914 — февраль 1917 гг.

(к 100-летию начала Первой мировой войны)

В. Э. Молодяков

Статья анализирует содержание и формы антияпонской пропаганды в США как разновидности антиантантовской пропаганды в период от начала мировой войны в Европе (август 1914 г.) до разрыва США дипломатических отношений с Германией (февраль 1917 г.). Предметом исследования избраны публикации ведущего органа прогерманской пропаганды – еженедельника «Fatherland», влиявшего на общественное мнение страны. Показано использование расовых и национальных предрассудков американцев, изображение японцев как «иных» и «чужаков», формирование представления о «японской опасности», угрожающей Америке.

Ключевые слова: Япония, США, пропаганда, имидж, журнал, раса, дискриминация

С первых дней мировой или «великой», как ее тогда называли, войны 1914 г. Соединенные Штаты Америки – крупнейшая нейтральная страна – сделали полев пропагандистской борьбы враждующих коалиций. И Центральные державы, и Антанта («сердечное согласие») старались привлечь симпатии американцев на свою сторону, но их стратегические цели были разными. Возможность вступления США в войну на стороне первых исключалась, поэтому их пропаганда стремилась «укреплять силы Германии, ослаблять ее противников, удерживать Америку вне войны»¹. Вторые, напротив, добивались непосредственного участия «великой заокеанской демократии» в борьбе против «деспотического кайзеризма» и «тевтонского милитаризма».

Япония, бывшая членом Антанты и вступившая в войну против Германии вслед за своей союзницей Великобританией, была не самым влиятельным и активным участником битвы пропагандистов «на полях и колонтитулах» Нового света, но, разумеется, не могла остаться равнодушной к ней. В ее активе была успешно проведенная пиар-кампания периода русско-японской войны, когда Япония смогла предстать перед американской аудиторией в качестве не только обороняющейся стороны, вынужденной бороться за свое существование, но современной и европеизированной державы, отражающей «агрессию» отсталой и реакционной России. А ведь к началу мировой войны японской модернизации по

¹ Viereck G. S. Spreading Germs of Hate. New York, 1930. P. 55.

западному образцу не было и пятидесяти лет. «Погнавшись за Западом, Япония встала в один ряд с великими державами, – отметил историк А. Н. Мещеряков, – но она ввергла себя в пропасть «международных отношений» со всеми вытекающими из них последствиями. Япония приняла на вооружение системообразующую концепцию Запада: она уверовала в «прогресс», прониклась идеей, что в движении заключена сила. Неподвижность и неизменность уступили место движению и реформам. <...> За годы правления Мэйдзи страна действительно сумела стать вровень с западными державами – Японию стали опасаться во всем мире, ибо она напала на Китай и Россию и выиграла обе войны»². Прибавим к этому негативный образ России в США, который во многом основываясь на не требовавших перевода словах «knout» и «rogrom». Историк Л. И. Страховский суммировал: «Американцам Россия казалась огромным невольничьим лагерем забитых крестьян, рабочих и беззащитных евреев, которых подавляют жестокие казаки, в любую минуту готовые пустить в ход нагайки, и угнетает кучка эксплуататоров во главе с самим царем. <...> Даже когда Америка становилась проантантовской и антигерманской, перспектива участия в войне на стороне Российской империи была противна американцам, в сознании которых господствовал сформировавшийся за долгое время извращенный образ этой страны»³. В то же время против Японии работали расовые предрассудки, присущие тогда большинству белых американцев, и стереотип «желтой опасности», что привело к принятию в предвоенные годы дискриминационных мер и законов против японской иммиграции, наиболее строгих в штате Калифорния. Из стран «сердечного согласия» Япония, как и Россия, пользовалась наименьшей популярностью в Америке и потому с началом войны стала мишенью антиантантовской пропаганды. Однако ее образ в этой кампании до сих пор остается практически вне сферы внимания ученых-историков.

Страны Антанты добились больших пропагандистских успехов в США уже в первые дни войны, после того как 2 августа 1914 г. на английских трансатлантических телеграфных линиях была введена цензура, а 4 августа британский флот перерезал немецкие телеграфные кабели, причем так, чтобы их нельзя было восстановить. Историк пропаганды Г. Петерсон назвал это «первым актом цензуры и одновременно первым актом пропаганды»⁴. Однако еще до войны в международных отделах американских газет доминировали новости из Лондона или переданные через Лондон. «Из года в год американская публика ежедневно видела Европу в отчетливо британской перспективе», – констатировал

² Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М., 2006. С. 701, 699.

³ Strakhovsky L. I. American Opinion about Russia, 1917–1920. Toronto, 1961. P. x, xii–xiii.

⁴ Peterson H. C. Propaganda for War: The Campaign against American Neutrality, 1914–1917. Norman, 1939. P. 13.

историк У. Миллс в середине 1930-х годов⁵. Поэтому российский посол в Вашингтоне Ю. П. Бахметев имел основания докладывать министру иностранных дел С. Д. Сазонову 15/28 августа: «С первого же дня все печать единодушно восстала против вызова, брошенного германским императором всей Европе. <...> За немцев не стоит решительно никто или, по крайней мере, никто не решается высказаться против такого подавляющего большинства, и не нашлась ни одна газета, которая бы даже оставалась вполне нейтральной: все соединились против Германии»⁶. Правда, это относилось преимущественно к нью-йоркской прессе.

Немецкоязычная пресса США не могла конкурировать с англоязычной в силу малочисленности, неорганизованности и отсутствия поддержки из «фатерлянда». «Утверждения врагов, – писал позднее бывший посол в США Иоганн фон Берншторфф, – что германская пропаганда в Соединенных Штатах была на самом деле организована за много лет до войны, и поэтому мы в 1914 г. имели в своем распоряжении готовую организацию с отделениями в каждой части страны, к несчастью, лишены всяких оснований. Достойно сожаления, что, перед войной германская сторона, несмотря на мои неоднократные предупреждения, ничего не сделала. <...> Нам всегда не хватало денег на поддержание контактов и сотрудничество с американской прессой. <...> Даже с германо-американскими газетами не было организованной связи»⁷. Поэтому в первые недели войны организация прогерманской и, шире, антиантантовской пропаганды в США была делом частных лиц.

Наиболее заметным новым игроком на этом пропагандистском поле стал еженедельник «Fatherland» («Отечество»), выходивший с 5 августа 1914 г. под редакцией известного поэта, писателя и журналиста Джорджа Сильвестра Вирека (1884–1962), этнического немца и видного деятеля германо-американской среды⁸. История журнала и выпускавшей его «Fatherland Corporation» рассмотрена в статье, к которой отсылаю читателя за подробностями⁹. Напомню только главные цели издания: «Справедливо и честно представить американскому народу позицию германской стороны в нынешнем злополучном конфликте. <...> Давать еженедельный обзор подлинных событий войны, насколько они могут быть авторитетно удостоверены. <...> Давать еженедельный обзор отношения американской прессы к войне и по мере сил бороться против лжи и злонамеренных

⁵ Millis W. Road to War. America, 1914–1917. Boston, 1935. P. 42.

⁶ Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917. М., 1999. С. 597.

⁷ Bernstorff (Count). My Three Years in America. New York, 1920. P. 50.

⁸ О нем: Johnson N. M. George Sylvester Viereck: German-American Propagandist. Urbana, 1972; Молодяков В. Э. Джордж Сильвестр Вирек: портрет в вихре века // Вирек Дж. С. Дом вампира и другие сочинения. Тверь, 2013. С. 7–48.

⁹ Молодяков В. Э. Прогерманские пропагандистские издания в США в 1914–1917 гг.: Джордж Сильвестр Вирек и «Fatherland Corporation» // Книга. Исследования и материалы. Сб. 99/III–IV. М., 2013. С. 128–141.

утверждений славянофилов и германофилов, указывать на их несообразности, протестовать против несправедливого отношения к народу, который, несмотря на зависть так называемого цивилизованного мира, по праву завоевал симпатию и восхищение благодаря своей промышленности и искусству, своей философии и гуманности» (1/1/3)¹⁰.

«Fatherland», тираж которого стабилизировался на уровне 75 тыс. экз., а для отдельных выпусков достигал 100 тыс. экз., активно читался современниками, в том числе за пределами США (уже осенью 1914 г. он был запрещен в Великобритании и Канаде), и вызывал ожесточенную полемику. Позднее к еженедельнику не раз обращались исследователи. Историк Дж. Дёнике в недавней обобщающей работе по истории США рассматриваемого периода включил его в строгую по отбору референтную группу американской периодики¹¹. Э. А. Барышев в книге о русско-японских отношениях в период Первой мировой войны обратил внимание на этот журнал как на фактор, влиявший на американскую политику и общественное мнение применительно к Японии и России¹².

Издатель «Fatherland» Джордж Вирек еще до войны обращался к японской, точнее, антияпонской тематике. Он публично поддержал политику калифорнийского губернатора Хирама Джонсона, направленную на ограничение японской иммиграции. Их знакомство, вероятно, состоялось к 1912 г., когда Джонсон был кандидатом в вице-президенты от Прогрессивной партии Теодора Рузвельта, а Вирек активно агитировал за «Тедди» в ходе предвыборной кампании. Считавшийся одним из лидеров «прогрессистского» крыла республиканцев и выступавший за проведение социальных реформ, Джонсон полагал японцев неспособными к ассимиляции и добился запрета на продажу им в собственность сельскохозяйственных земель в штате, чем вызвал недовольство Вашингтона и бурю негодования в Японии¹³. В 1913 г. Вирек посвятил ему стихотворение «Песнь против Японии», которое позднее включил в сборник «Песни Армагеддона» (1916). Возможно, оно не отличается поэтическими достоинствами, но является интересным историческим источником, объясняя позднейшую позицию автора. Стихотворение впервые публикуется на русском языке в переводе Валентина Емелина:

О, стойкий лидер, ты кремень,

У Бога Белых страж зари!

От самурайских сил – вове,

От глупой трусости – внутри!

¹⁰ Ссылки на «Fatherland» приводятся в тексте с указанием тома (26 номеров за полгода), выпуска и страницы.

¹¹ Doenecke J. D. Nothing Less Than War. A New History of America's Entry into World War I. Lexington, 2011.

¹² Барышев Э. А. Нитиро домэй дзидай, 1914–1917 нэн (Эпоха русско-японского союза, 1914–1917 гг.). Фукуока, 2007. С. 83.

¹³ Lower R. C. A Bloc of One. The Political Career of Hiram W. Johnson. Stanford, 1993. P. 37–40.

*Хоть азиатов – тьмы, возможно,
Мы не позволим пировать
Сынам угрюмым и безбожным,
Падёт во прах Востока рать!
На наших ранах их отребьям
Греха ростками не взойти,
Их мозг зачах, как их деревья,
Их Жёлтый Мир – в конце пути.
Их предки мир необозримый
В седле пытались покорить,
Свистя, как Божий Бич! И Рима
Пред ними пали алтари.
Но мёртв Атилл! Даже он
Не смог бы их вести вперёд
За море. Жребий предрешён,
Ведь Калифорния – оплот!
Пока есть свет Христа для всех,
Пока на пушки есть ответ,
Их Сёгун вызывает смех,
Пред Гунном не склонимся, нет!
У нас есть миссия и цель –
У них – ронінов сорок семь,
Не их есть Белых Цитадель,
И Звёздный город Вифлеем!
За жёлтый труд есть жёлтый шлак,
Родной земли не отдадим!
Мы свой Крестом венчаем флаг,
И каждый – Божий паладин!*

В настоящей статье мы проанализируем образ Японии на страницах «Fatherland» от начала его выхода до разрыва дипломатических отношений между США и Германией в феврале 1917 г., что радикально изменило весь ход событий.

Правительство Японии официально мотивировало вступление страны в мировую войну на стороне Антанты обязательствами по англо-японскому союзу, который был торжественно обновлен 13 июля 1911 г., но такой роли, как два предыдущих в 1902 г. и 1905 г., уже не играл. В марте 1914 г. английский морской министр Уинстон Черчилль высказался о важности союза для Британской империи, напомнив при этом, что и Япония защищена им от любой европейской (подразумевалось: Германской) агрессии. «Читая телеграмму Рейтера, – сообщал 11 мая из Токио российский посол Николай Малевский-Малевиц, – можно было думать, что великобританский первый лорд адмиралтейства произнес панегирик англо-японскому союзу как лучшему обеспечению сохранности англий-

ских колоний на Востоке»¹⁴. Новозеландский премьер Уильям Мэсси отреагировал немедленно и жестко: «Не хочу обидеть господина Черчилля, но если он полагает, что Австралия и Новая Зеландия будут довольны защитой японских кораблей и японских моряков, то он глубоко ошибается»¹⁵. В силу вступал расовый фактор: оба доминиона строго придерживались «белой» политики и пресекали японскую иммиграцию, поэтому иметь «желтых» в качестве защитников своих границ казалось им особым унижением. Японцы избрали другой тон и усердно подчеркивали, что Лондону союз теперь нужнее, чем Токио. Дипломат Исии Кикудзиро позднее суммировал: «Союз сослужил добрую службу в течение трех лет (1902–1905), затем шесть лет (1905–1911) числился в резерве первой очереди и в конце концов закончил свое существование, состоя в резерве второй очереди. К этому времени японские деятели рассматривали его как отживший и бесполезный. Когда был заключен третий союз, Япония уже знала его подлинную цену, но в свете развивающихся мировых событий считала, что сохранение его, хотя бы в качестве украшения, принесет некоторую пользу и во всяком случае не причинит вреда»¹⁶. Генерал-майор Танака Гиити, будущий военный министр и премьер, в феврале 1914 г. высказался куда более определенно, хотя и конфиденциально: «В день, когда мы увидели рукопожатие России и Британии, англо-японский союз стал пустым звуком»¹⁷.

Я остановился на англо-японском союзе и участии Японии в Антанте, поскольку эти факты легли в основу антияпонской кампании «Fatherland», стремившегося максимально дискредитировать «союзные» державы в глазах рядового американского читателя. Применительно к Японии настойчиво подчеркивались следующие обстоятельства: ее «азиатский» характер, т. е. инаковость («*Иной* – по облику, обычаям, вере – воспринимается *врагом*. В лучшем случае – чужаком»¹⁸); корыстность вступления в войну, продиктованного исключительно желанием захватить германские владения в Китае и на Тихом океане; не-«джентльменский» характер ведения боевых действий против немцев в условиях абсолютного стратегического и тактического преимущества; ограниченность участия в войне, мотивированная нежеланием помогать союзникам вне сферы непосредственных интересов Японии; союз с Россией, которая также позиционировалась как «азиатская» держава. Все это подкрепляло внушаемый авторами журнала вывод о том, что действия Токио пред-

¹⁴ Lowe P. Great Britain and Japan, 1911–1915. A Study of British Far Eastern Policy. London, 1969. P. 283–284; Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. Т. 2. М.–Л., 1933. С. 529.

¹⁵ Цит. по: Lowe P. Op. cit. P. 267.

¹⁶ Исии К. Дипломатические комментарии. М., 1942. С. 49.

¹⁷ Танака Гиити дэнки (Биография Танака Гиити). Т. 1. Токио, 1958. С. 572–573.

¹⁸ Шеремет В. И. Предисловие // Филиппова Т. «Враг с Востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012. С. 7.

ставляют непосредственную опасность для США. Англо-японский союз – как союз «белых» с «желтыми» и предательство «дела белых» со стороны Лондона – также был важным пропагандистским «козырем» против Великобритании – главного объекта нападок «Fatherland».

Примечательно, что журнал начал антияпонскую кампанию именно с темы японской угрозы Америке. Уже третий номер, в конце августа 1914 г., открывался статьей «Японский ультиматум Соединенным Штатам» за подписью «американский экс-дипломат» (идентифицировать его не удалось; возможно, это журналистская запись чьих-то слов). Автор начал с воспоминаний о разговоре в феврале 1893 г. с первым секретарем японской миссии в США Мацуи Кэйсиро, который в 1914 г. занимал пост посла во Франции и был одной из ключевых фигур в связях между Токио и европейскими «союзниками». Указанная дата вызывает сомнения, поскольку Мацуи был назначен в Вашингтон только в 1895 г., но, учитывая характер статьи, достоверность сказанного не столь важна, как ее содержание – залп в пропагандистской войне, а не историческое свидетельство.

По утверждению «экс-дипломата», его собеседник предсказал, что Филиппины в ближайшие десять лет восстанут против испанского правления (Филиппинская революция началась – и не беспричинно – 31 августа 1896 г.) и что японцы, воспользовавшись этим, захватят архипелаг с целью открыть себе путь к Австралии. Невозможно проверить, говорил ли об этом Мацуи в 1893 г. или 1895 г., но в середине 1890-х годов японские паназиятисты, действительно, обращали взоры к «порабощенным» Филиппинам. «Конечно, Япония не зарилась на Филиппины, – продолжал автор, – пока была занята добычей, полученной от Китая (в 1895 г. – В. М.) и России (в 1905 г. – В. М.), и создавала на континенте империю, превышающую по площади метрополию. <...> Теперь, как следует укрепившись, она показывает клыки нашей республике. Она угрожает нам, едва скрывая это. <...> Все прежние обмены любезностями между американским и японским правительствами забыты» (1/3/3).

Переходя к текущим событиям, «экс-дипломат» заметил: «Вряд ли кто-то настолько глуп и наивен чтобы поверить, что единственная цель действий Японии – переколотить 3500 немцев в Киао-Чао и потопить парочку третьесортных немецких кораблей. <...> Ее цель слишком ясна. Это изгнание Германии с Дальнего Востока к тому времени, когда Япония будет готова нанести неожиданный удар по Соединенным Штатам. Вытеснение Германии с Дальнего Востока – мелочь по сравнению с захватом богатых американских владений, которые станут военной добычей Японии. Но даже это не является главной целью. Главная цель – окончательный раздел Китая, уже решенный в канцеляриях Токио, Лондона, Парижа и Санкт-Петербурга. Понимает ли это правительство Соединенных Штатов?» (1/3/3-4). «Япония потребует свой фунт мяса, и он будет вырезан из тела дяди Сэма», – категорически заявил несколько позже на страницах

журнала Ричард Бартольд, конгрессмен-республиканец из штата Миссури и влиятельный германо-американский политик (1/10/8).

Политическая хроника в том же номере, что и «Японский ультиматум Соединенным Штатам», сообщала, что конгрессмен-республиканец из штата Иллинойс Фред Бриттен выступил с проектом резолюции, требующей от госсекретаря Уильяма Брайана заявить правительству Японии об озабоченности Вашингтона переброской японских войск в Китай – для ведения боевых действий против Германии – без одобрения и согласия китайского правительства и «без какой-либо явной причины кроме усиления собственных позиций в Китае» (1/3/13). Тема нарушения Японией нейтралитета Китая в ходе операции по захвату Киао-Чао (Циндао) приобретала особое пропагандистское значение в свете нарушения Германией нейтралитета Бельгии, что стало оправданием вступления Великобритании в войну и главным пропагандистским аргументом «союзников» против «кайзеризма». «Fatherland» представил на рассмотрение читателей ряд риторических вопросов о текущей ситуации, среди которых был следующий: «Почему вторжение Германии в нейтральную (?) Бельгию – преступление, а вторжение Японии в нейтральный Китай не заслуживает внимания?» (1/8/12). Вопросительный знак в скобках после слова «нейтральная» был связан с известиями о содержании секретных бельгийских документов, захваченных германскими войсками в Брюсселе. Из них следовало, что с 1906 г. британский военный атташе в Бельгии Н.-У. Барнардистон вел переговоры с начальником генерального штаба этой страны Ж.-Э. Дюкарном о возможности высадки английской армии «для защиты ее нейтралитета». Соответствующие документы неоднократно публиковались, в том числе факсимильно, во многих изданиях, включая «Fatherland» (1/13/10-12; 1/17/10-11; 1/21/13-26) и книгу немецкого дипломата Карла Александра Фюра «Нейтралитет Бельгии»¹⁹. Следует добавить, что Фюр, живший в то время в Нью-Йорке, входивший вместе с Виреком в германский «пропагандистский кабинет» и сотрудничавший с «Fatherland», прибыл в США из Токио, где до начала войны служил в посольстве. Позднее часть обнародованных немцами документов была объявлена фальшивыми, но официальное издание отчетов Барнардистона после войны позволило сделать вывод, что де-факто речь шла об англо-франко-бельгийском союзе против Германии²⁰.

«Япония нарушила нейтралитет Китая. Никто не запротестовал, – говорилось в одной из редакционных заметок. – Япония нарушила слово чести ограничить свои действия Киао-чао. Дядя Сэм ничего не говорит. Он даже улыбается. Но он задумался» (1/11/13). На той же странице журнал поместил карикатуру «Герои (?) Киао-Чао»: японский, русский и английский солдаты пытаются заколоть штыками немецкого орла,

¹⁹ Fuehr A. The Neutrality of Belgium. New York, 1915.

²⁰ Полетика Н. П. Возникновение мировой войны. М.-Л., 1935. С. 205–208.

сидящего в клетке с надписью «Киао-Чао». Конечно, в осаде крепости принимали участие только японские войска, но журналу было важно подчеркнуть «союзнический» характер операции, участие в антигерманской войне «несимпатичных» русских и «несимпатичный» характер тех, вместе с кем Англия сражается против «прусского милитаризма». Визуально образ врага «европейской цивилизации» был закреплен в карикатуре, на которой изображался зловещая змея с тремя головами – казака, азиата и негра (1/6/3). «Азиат» еще не имел ярко выраженных японских черт: карикатура отсылала к новостям о том, что Великобритания намерена использовать в ходе боевых действий на европейском театре военные части своей Индийской армии. На другой карикатуре японец фигурировал в виде уродливого полууголого кули (хотя этот расистски окрашенный образ скорее отсылал к тогдашним представлениям о китайце), но с саблей у пояса (1/16/13). На карикатуре «Закрывая «открытую дверь» в Китае», перепечатанной из немецкого журнала, японец изображен корректно – конечно, с точки зрения законов жанра: с хитрой улыбкой он закладывает кирпичами ворота, построенные в узнаваемом китайском стиле (2/13/11).

Оборона Киао-Чаю заняла очень скромное место на страницах еженедельника «Fatherland», основное внимание которого было приковано к Западному (французскому) фронту в Европе и, в заметно меньшей степени, к Восточному (русскому). Не имея собственных источников информации и стараясь пореже напрямую пользоваться сообщениями из Берлина, журнал перепечатал статью «Защита Киао-Чао» (1/15/10–11) из газеты «New York Sun», занимавшей нейтральную позицию по отношению к воюющим коалициям и нередко помещавшей материалы, которые другие издания трактовали как «прогерманские». Газета назвала защиту крепости «поразительным примером боевого духа», что редакция «Fatherland» не преминула отметить как редкий для американской печати случай внимания к героизму солдат Центральных держав, а не Антанты. Описание обороны Киао-Чаю, с акцентированием внимания на героизме защитников крепости, оказавшихся в безнадежном положении, но сопротивлявшихся до последнего, давала официальная германская хроника «Мировая война», авторизованный английский перевод которой выпускался в США под редакцией Джорджа Вирека и рекламировался в журнале как «незаменимое фактическое дополнение» к нему.

«Желтой расе не сосчитать всё, чем Япония обязана Германии, – писал «Fatherland» в феврале 1915 г. – Но у японцев короткая память, а их обещания, как и благодарность, написаны на песке. <...> Для ссоры между Германией и Японией не было причин, однако голодный шакал вцепился в бок льва, который сражается один против пятерых». Далее анонимный автор привел письмо маршала Ямагата Аритомо германскому генералу Клеменсу Якобу Мекелю от 19 февраля 1906 г. с выражением

благодарности за обучение японских военных: «Мы во многом обязаны вам своими победами». Источник письма не указан, а с датами у журнала снова путаница, поскольку генерал скончался в июле 1905 г., и Ямагата вряд ли писал ему в лучший из миров. Мекель в 1885–1888 гг. был военным советником японского правительства и преподавал в Военной академии в Токио, оказав, без преувеличения, огромное влияние на японскую армию как теоретически, так и практически. Считается, что проведенные по его рекомендациям реформы во многом обеспечили Японии победу над Китаем в 1895 г., в связи с чем письмо, очевидно, следует датировать, 1896 г. Однако в свете нашей темы важнее редакционный комментарий: «Некогда Соединенные Штаты оказали японцам огромную услугу. Поблагодарят ли они нас так же искренне, как поблагодарили Германию, за вклад в их национальное развитие?» (1/26/11). Вклад американцев в модернизацию мэйдзийской Японии, действительно, был велик и многообразен: достаточно вспомнить хотя бы Генри Денисона, который с 1880 г. и до своей смерти в 1914 г. был бессменным советником японского МИДа.

Следующим информационным поводом для обращения «Fatherland» к японской теме стало известное «21 требование» к Китаю, которое, казалось, полностью подтверждало сделанные ранее пессимистические прогнозы относительно истинных намерений Токио при вступлении в войну. Не слишком довольны были ими и европейские «союзники». В реплике «Японская угроза» – ответе на статью «Японская игра на Дальнем Востоке» проантантовской «New York Times» от 2 мая 1915 г., после отклонения требований Пекином и в канун представления их новой редакция («13 требований») – редакция снова напомнила: «Англия – союзник Японии. Измена Англии белой расе принесет горькие плоды. <...> Мы предали Германию, которая сражается за спасение белой расы» (2/15/11).

Логичным развитием сказанного стала статья «Желтая опасность» об угрозе, которую несет Гавайским островам рост японской иммиграции. «Если японская эскадра когда-либо появится перед Пёрл-Харбором...» – эпически начал анонимный автор (далеко не первый, замечу, поскольку еще в 1909 г. военный аналитик Гомер Ли в книге «Гордость неведения» подробно разбирал варианты не только возможного захвата японцами Филиппин и Гавайев, но и высадки их войск в Калифорнии)²¹. Журнал обращал внимание на опасность того, что «американские военные корабли окажутся недостаточно оснащенными и без необходимого количества боеприпасов на борту в случае внезапного нападения японцев», заметив: «Американцы должны помнить об этом, когда снабжают «союзников»

²¹ Lea H. The Valor of Ignorance. New York, 1909. Анализ этих и аналогичных предсказаний: Honan W. H. Visions of Infamy. The Untold Story of How Journalist Hector C. Bywater Devised the Plans that Led to Pearl Harbor. New York, 1991.

оружием и боеприпасами» (2/20/13–14). Последняя фраза относилась к развернувшейся тогда борьбе за полный запрет экспорта вооружений из США в воюющие страны. Поскольку весь военный экспорт доставался державам Антанты, контролировавшим трансокеанские перевозки, неудивительно, что за этой борьбой стояли немецкие пропагандисты, германо-американцы и их союзники, включая антибританские ирландские организации. «Fatherland» еще осенью 1914 г. обращал внимание на то, что Япония покупает оружие и боеприпасы в США вопреки заявлению президента Вудро Вильсона о нейтралитете страны и необходимости для всех американцев придерживаться его (1/8/3).

С лета 1915 г. по весну 1916 г. японская тематика почти исчезла со страниц журнала в связи с прекращением боевых действий и временным замиранием политической активности на Дальнем Востоке; как сколь угодно значимый фактор войны в Европе Япония американскими аналитиками не рассматривалась. В конце апреля-начале мая 1916 г. внимание редакции привлек очередной протест японского посла в Вашингтоне Тинда Сутэми (которого вскоре после этого перевели в Лондон) против антияпонского законодательства в Калифорнии. «Если Япония угрожает нам сейчас, еще до нашего разрыва с Германией, то как она поведет себя, если мы на самом деле вступим в войну?» – вопрошал журнал, посвятив большую часть статьи «японским интригам» в Мексике (4/13/203). Эта «страшилка» оказалась живучей и эффективной, периодически возникая в американской печати различной ориентации вплоть до Второй мировой войны. «Многие американцы недоумевают, почему наши газеты хранят молчание по поводу нарушения Японией договора о Китае, – продолжал «Fatherland» атаку летом того же года, за несколько месяцев до президентских выборов, на которых внешнеполитические вопросы были в числе главных. – Нарушив его, Япония не только совершила большое международное преступление, но и публично отвесила пощечину дяде Сэму, поскольку Соединенные Штаты тоже подписали соглашение, призванное навеки гарантировать территориальную цельность Китая. Кто теперь придаст значение нашей подписи под международным договором?» (4/25/395). В последнем номере за 1916 г. журнал привел циркулирующие в Вашингтоне слухи об обеспокоенности администрации тем, что Япония не собирается освобождать захваченные у Германии островные владения на Тихом океане: «Уход Германии с Тихого океана оставит Соединенные Штаты один на один с желтой опасностью». «Ситуация таит много тревожных вариантов для американского народа», – в который раз предупреждала редакция (5/21/344).

Еженедельник позиционировал себя как «стопроцентно американское» издание, призванное отражать мнение местных жителей, а не иностранных пропагандистов, а потому отдавал предпочтение высказываниям антиантантовски настроенных американцев. Он редко перепечатывал немецкие пропагандистские тексты «как есть», но нашел для этого удобную форму

в виде материалов, которые присылал из Германии «собственный корреспондент» Луи Фирек – отец редактора (в отличие от сына, он считал себя принадлежащим к германской культуре, поэтому его фамилию мы даем в немецком написании), внебрачный сын кайзера Вильгельма I и бывший депутат Рейхстага от социал-демократической партии. Его статьи знакомили читателей с материалами немецкой прессы, содержание которых подавалось как частное мнение авторов. Например, летом 1915 г. Фирек пространно излагал публикации о «цивилизаторской миссии Германии на Дальнем Востоке», акцентируя внимание на том, как важно было немецкое присутствие в Киао-Чао для просвещения китайцев (3/8/139–141). Темой другой корреспонденции, год спустя, стала переведенная на немецкий язык с японского «националистическая и воинственная» книга «Война между Японией и Америкой»²², написанная в модном тогда жанре «воображаемых войн». Призвав американских читателей обратить внимание на факт существования такой книги, автор завершил статью вопросом: «Неужели Вашингтон до сих пор верит в дружбу или хотя бы нейтралитет Японии?» (4/22/350-351).

Осенью 1916 г., с вступлением мировой войны в третий год и нарастанием усталости от нее при отсутствии у обеих сторон явных шансов на победу, в нейтральных странах, включая США, активизировались толки о попытках и даже возможности сепаратного мира между отдельными участниками противоборствующих коалиций. Приведя под ироническим заглавием «Англия и ее желтый друг» фрагменты из книги Джефферсона Джонса «Падение Циндао. С приложением анализа намерений Японии в Китае»²³, «Fatherland» заметил, что Англия союзом с Токио предала интересы не только «белых», но и Китая, и сделал следующий прогноз: «В скором времени Страна восходящего солнца и ее бывшие враги, Германия и Россия, объединятся и вышвырнут Великобританию с Дальнего Востока» (5/3/45-46). Действительно, некоторые материалы, появившиеся в это время в нейтральной и даже «союзнической» печати, пробуждали опасения, что Япония и Россия могут сепаратно договориться с Германией за спиной Англии и Франции. Более того, некоторые японские авторы интерпретировали заключение 3 июля / 20 июня 1916 г. российско-японского военно-политического союза (отмеченного в хронике текущих событий «Fatherland») как возможный шаг на пути к нормализации отношений с... Германией. Близкий к маршалу Ямагата – ключевой фигуре альянса с Россией – журналист Каяхара Кадзан писал о возможности японско-русско-германского континен-

²² Фирек обычно не указывал выходные данные, поэтому издание не удалось идентифицировать. Возможно, речь идет о переводе или пересказе анонимно выпущенной книги морского офицера и военного аналитика Мидзуно Хиронори: Цуги-но иссэн. (Следующая решающая битва). Токио, 1914. Автор предупреждал о возможном поражении японского флота в войне с США, тем самым призывая к увеличению военных расходов.

²³ Jones J. The Fall of Tsingtau. With a Study of Japan's Ambitions in China. Boston, 1915.

тального блока как основы нового, послевоенного международного порядка: «А что, если Россия уже имеет договоренность с Германией, и русско-японское соглашение было подписано в качестве предпосылки к заключению русско-германского сепаратного мирного договора и предпосылки к созданию японско-русско-германского союза? Если это так, нужно признать чрезвычайную дальновидность такой дипломатической стратегии. Это означает, что намечается интересная драма, в ходе которой Япония, Россия и Германия собираются разделить между собой наследие Британской империи. Для этого Россия, получив свободу действия в Персии и Индии, должна прежде всего заручиться словом Германии не заключать договоров, направленных против нее. Заручилась ли Россия поддержкой Германии?.. В это нельзя легко поверить. Однако если в это нельзя поверить, русско-японское соглашение не имеет большого смысла»²⁴.

Токийские «германофилы» считали, что экспансия Японии на Дальнем Востоке и в южном направлении неминуемо приведет к столкновению с британскими интересами. Стратегической задачей они полагали новый передел мира в результате войны: Японии отводилась зона Дальнего Востока, России – территории Ближнего Востока, примыкающие к Персидскому заливу, Германии – Балканы. Предполагалось, что новый Тройственный блок будет направлен, прежде всего, на борьбу с Великобританией, которая будет наконец-то наказана и окажется в международной изоляции²⁵. Вместе с тем подразумевалось, что союз должен одновременно действовать против Соединенных Штатов, позиция которых в ходе войны становилась все более пробританской. В условиях, когда соперничество на Тихом океане могло, как считалось, перерасти в вооруженный конфликт, русско-японский союз представлял бы значительную опасность не только для Лондона, но и для Вашингтона. В случае американско-японского конфликта Германия и Россия прикрыли бы своим щитом Японию, и США, в конце концов, вынуждены были бы уйти из Китая²⁶. Но слухи о возможности русско-германского сепаратного мира оказались совершенно неосновательными.

В редакции «Fatherland» никто не знал японского языка и не мог читать токийскую прессу, довольствуясь тем, что попадало в англоязычные и

²⁴ *Каяхара Кадзан*: 1) Нитиро кёяку то кокусай сэйкёку-но хэнка (Русско-японское соглашение и изменение международной ситуации) // Нихон хёрон. 01.08.1916; 2) Нитиро доку сангоку домэй: Осю тайсэнго-но нитиро доку домэй-рон (Тройственный союз Японии, России и Германии: рассуждая о русско-японско-германском союзе после Великой европейской войны) // Нихон хёрон. 01.02.1917. См. также: *Нинагава Арата*. Родоку моти тандоку кова сэба (Если Россия и Германия заключат сепаратный мир) // Гайко. 01.01.1917.

²⁵ *Кэмюяма Сэнтаро*. Нитиро доку домэй-рон (Японско-русско-германский союз) // Юбэн. 01.01.1917; *Сэнга Цурутато*. Нитиро син-кёяку то сангоку домэй (Новое русско-японское соглашение и Тройственный союз) // Тайё. 01.08.1916.

²⁶ *Нагасима Рюдзи*. Нитиро доку домэй-но дзэнтэй (Предпосылка японско-германского союза) // Кодзуй иго. 1916. Апрель. №11; *Тэрао Тору*. Эйкоку ва сюсэй-но тэки (Великобритания – вечный враг) // Там же.

германоязычные газеты. Однако материалы вроде процитированных выше в том или ином виде дошли до журнала, что позволило ему сделать вывод: «В Японии распространяется сильное прогерманское настроение. В своей внешней политике она будет руководствоваться решениями своей союзницы России» (6/2/26). Эти строки появились в номере, датированном 14 февраля 1917 г., – последнем, на обложке которого красовалось ставшее знаменитым название «Fatherland». Решение президента Вильсона о разрыве дипломатических отношений с Берлином побудило редактора сменить название на «New World: The American Weekly», затем – когда выяснилось, что эта торговая марка занята, – на «Viereck's New World» и «Viereck's: The American Weekly», а также скорректировать его «линию», отказавшись от прямой прогерманской пропаганды. Вступление США в войну в начале апреля 1917 г. знаменовало начало нового периода в истории страны и мира, что не могло не отразиться и на содержании журнала, тем не менее оставшегося «на плаву».

Антияпонская пропаганда в Новом свете в 1914–1917 гг., от начала мировой войны до вступления США в нее, была частью антиантантовской кампании, причем далеко не самой важной и заметной, а потому не стала предметом внимания историков. Выбранный нами в качестве объекта исследования еженедельник «Fatherland» был одним из самых влиятельных и репрезентативных органов антиантантовской пропаганды, поэтому анализ опубликованных в нем материалов позволяет сделать некоторые выводы о характере этой пропаганды в целом. Она активно эксплуатировала расовые и национальные предрассудки американцев, сложившиеся до войны. Она акцентировала внимание на «инаковости» цивилизации и культуры той страны, против которой была направлена, причем эта «инаковость» подчеркивалась применительно как к мирному времени, так и к ведению войны. Она использовала негативный имидж объекта пропаганды для дискредитации его союзников. Наконец, она концентрировалась на формировании у аудитории представления о прямой, непосредственной угрозе исходящей от этой страны. Как ни оценивать эффективность пропаганды «Fatherland» в рассматриваемый период, она сыграла свою роль в укреплении негативного образа Японии в Новом свете, а также и в том, что США вступили в Первую мировую войну на стороне Антанты, причем не входя формально в состав «Сердечного согласия», только в апреле 1917 г., через 32 месяца после ее начала.